Леонид Колединский (Минск)

АКСИОМЫ, ТЕОРЕМЫ И СОФИЗМЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ЗАМКА ВИТЕБСКА

«А был ли мальчик?»
А.М.Горький.
Жизнь Клима Самгина.

Для начала определимся, что включают в себя понятия, вынесенные в заголовок. Так, согласно ряду справочных изданий, они обозначают следующее: аксиома — самоочевидная истина, не требующая доказательств; теорема — теоретическое утверждение, которое может быть логически доказано на основании установленных положений; софизм — умозаключение, которое кажется формально правильным, но неверно по сути, ибо основано на неправильно подобранных исходных положениях.

Объектом наших суждений будет Верхний замок Витебска — многослойный памятник археологии, от эпохи раннего железного века до позднего средневековья, расположенный на левобережье р. Витьбы при ее впадении в Двину. Культурный слой памятника имеет толщину от 6–6,8 м до 8–13,7 м, в большинстве своем хорошо сохраняет предметы из органики, дает обширную информацию по истории материальной культуры средневекового белорусского города.

Археологическое изучение Верхнего замка Витебска восходит к 1895 г., когда А.П.Сапунов в ходе раскопок на Замковой горе вскрыл площадь в 400 кв. м: выявлены остатки каменной застройки, погребения, собран вещевой материал [1].

В 1976 г. О.Н.Левко по краю строительного котлована исследовала 180 кв. м площади этого памятника, изучив преимущественно материалы XIV–XVIII в. [2, с. 409–410]. В 1994 г. охранные раскопки на площади 33 кв. м провела и Т.С.Бубенько [3].

Основной же материал для интерпретации прошлого Верхнего замка Витебска дали раскопки 1977–1978 г. Л.В.Колединского и М.А.Ткачева, а также раскопки Л.В.Колединского 1979, 1980, 1982, 1983, 1988 и 1993 г. Исследованная при этом площадь составляет более 2 000 кв. м. Изучены участки городской застройки XII–XVII в.: более сотни построек жилого и хозяйственного назначения, десяток уличных мостовых, дворовые вымостки, частоколы. Исследован оборонительный вал с внутривальными конструкциями XII в., собран материал, представленный традиционными для средневекового города артефактами: орудия труда, предметы быта и вооружения, украшения и пр.

Материалы раскопок 1977–1988 г. легли в основу кандидатской диссертации Л.В.Колединского по Верхнему замку Витебска [4]. Автор выделил четыре этапа в становлении Верхнего замка, два из которых приходятся на древнерусский период, а два других — на период Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Целесообразно дать хотя бы краткую характеристику первых двух этапов.

Первый этап включает догородской (IX — начало X в.) и раннегородской (X–XI в.) периоды. В начале первого этапа на городище раннего железного века, которое находилось в 150 м на восток от устья Витьбы, располагалось укрепленное

поселение кривичей. Оно, по-видимому, играло роль родо-племенного центра в окружении нескольких неукрепленных поселений. В конце X — начале XI в. со всех этих поселений формируется община городского типа с центром на древнем городище — Замковой горе. К 1021 г. относится первое достоверное упоминание Витебска в летописях. Его детинец, который располагался на Замковой горе, имел площадь 0,7 га и находился в окружении неукрепленного торгово-ремесленного посада. Витебск этого времени являлся, скорее всего, военно-административным центром волости. В политическом отношении он был уже в то время владением полоцких князей. Его материальная культура на этом этапе сохраняет еще местами кривичские рудименты.

Второй этап — удельный период истории Витебска (XII — первая треть XIV в.). На Замковой горе в первой четверти XII в. возводится церковь св. Михаила как патрональный храм на княжеском подворье. С середины 30-х г. XII в. детинец расширяется в западном направлении, включая посад на мысе, который находился у слияния Витьбы с Двиною, и достигает площади 4 га. Детинец опоясывается мощным оборонительным валом, который армирован деревянной субструкцией, исполненной в перекладной технике. Вал возводился с 1136 по 1140 г., в период княжения Васильки Светославича, внука полоцкого князя Всеслава Брячиславича. Вал имел ширину у основания не менее 14 м, высоту — 6 м, ширину по гребню — 6 м. Периметр вала составлял 770 м (рис. 2).

Планировка нового детинца определялась уличными мостовыми, подчиненными рельефу местности. Застройка была усадебной и включала одно-два жилища и три–пять хозяйственных построек. Материальная культура имеет общерусский характер. Хозяйство носит комплексный вид, соединяя ремесло, сельское хозяйство и промыслы. Детинец Витебска имеет все черты детинцев, свойственных большинству средних городов Руси. Вокруг него складывается топоструктура, характерная для многих восточнославянских городов удельного периода, в которых, кроме детинца, имелись окольный город, предградье, сельская округа и некрополь [5, с. 27–28].

Наша характеристика первого этапа в становлении Верхнего замка Витебска, кажется, не вызвала возражений у моих коллег в Витебске Т.С.Бубенько и О.Н.Левко. Что касается трактовки второго этапа, то по отдельным его положениям они имелись. Рассмотрим их подробнее.

Первое. Кому после смерти Всеслава Брячиславича в 1101 г. стал принадлежать витебский удел? По нашему мнению, им впервые овладел один из его младших сыновей — Святослав [6]. Однако эта версия не встретила понимания у моих коллег-оппонентов [7]. Они считают, что *«ни письменные, ни археологические источники не позволяют ее поддерживать» (?).*

Следует отметить, что спор о принадлежности витебского удела в начале XII в. ведется давно. Так, высказаны суждения, что в это время Витебск отошел к смоленским князьям [8, с. 233] или что Святослав Всеславич держал изяславскую волость [9, с. 56, 59].

Но если не Святослав, чьих сына и внука мы в дальнейшем видим на витебском столе, тогда кто? Логически предположить, что именно он, Святослав, держал Витебск в начале XII в. Посему наша версия и базируется на ретроспекции. И в этом мы не одиноки [10]. В подтверждение можно привести и существовавшее в то время на Руси право о столонаследии, по которому, как правило, главный удел

переходил от отца к старшему сыну, а его младшие братья и их взрослые сыновья получали временные уделы [11]. В какой-то мере в пользу нашего суждения может свидетельствовать и археологический материал. Ведь храм св.Михаила возводился как ктиторский храм на княжеском подворье и, судя по строительной технике, не позднее первой четверти XII в., т.е. до византийской ссылки Святослава [12, с. 64].

Впрочем, это мнение о местоположении храма св.Михаила на Замковой горе, где вероятнее всего располагался княжий двор, тоже поставлено под сомнение [13, с. 42]. Но как тогда быть с погребениями, выявленными А.П.Сапуновым на Замковой горе [1, с. 3]? Ведь является аксиомой то, что у храма совершают погребения наиболее чтимых людей.

А теперь самый главный вопрос моих коллег-оппонентов: *«Была ли вся территория Верхнего замка Витебска в XII в. детинцем?»*

Обратимся к истории этого вопроса. 1928 год. А.Н.Лявданский и С.А.Дубинский изучают историческую часть Витебска. Во дворе трикотажной фабрики им. К.Цеткин, которая находилась на мысе при впадении Витьбы в Двину, в переотложенном культурном слое они находят гончарную и лепную керамику. А.Н.Лявданский высказывает суждение, что не ранее XIII в. в этой части города сложился детинец летописного Витебска, на месте которого позже возник Верхний замок [14, с. 93–94].

1958 год. Б.Колчин становится свидетелем широкомасштабных земляных работ в западной части Верхнего замка; из строительного котлована в большом количестве извлекались остатки древней деревянной застройки [15, с. 106].

Вероятно, и свидетельства А.Н.Лявданского, и наблюдения Б.А.Колчина подвели Л.В.Алексеева к мысли, что витебский детинец занял площадь последующего за ним Верхнего замка уже в XI–XII в. [15, с. 111].

Г.В.Штыхов, изучавший Витебск в основном по раскопкам Нижнего замка, а на Верхнем замке проводил лишь наблюдения за земляными работами, тем не менее, высказался вполне определенно в пользу оформления витебского детинца в XII в. в пределах территории Верхнего замка. Вероятно, такому заключению способствовали выявленные им в центральной части Верхнего замка в строительных котлованах материалы IX–X и XII в. [16, с. 33, 41].

По мнению О.Н.Левко, Верхний замок Витебска возник на основе предшествующего ему детинца, который окончательно сложился к концу XIII в. Но доходила ли в XII в. его западная граница до Двины? С ее точки зрения, археологический материал не позволяет пока это утверждать [17, с. 81].

В 1979 и 1983 г. в западной части Верхнего замка впервые были проведены археологические раскопки. В результате были выявлены материалы X–XI в. и фрагменты городской застройки начала XIII–XIV в. [18]. И в скором времени автор этих строк приходит к мысли, что уже к 30-м г. XII в. детинец расширяется в западном направлении и укрепляется мощным оборонительным валом [19, с. 75]. Отметим, что раскопки 1988 г. дали поистине изумительный материал по оборонительным сооружениям и топографии Витебска XII в.

По мнению М.А.Ткачева, на территории, предшествующей Верхнему замку, существовало два древних городища: одно — мысовое, при устье Витьбы, ограниченное с юга и востока глубокими каньонообразными рвами-промоинами, другое — расположенное восточнее, за рвом, т.е. на Замковой горе. В XII–XIII в. ров

между этими городищами почти полностью засыпали и всю территорию будущего Верхнего замка окружили мощным валом [20, с. 120].

Точка зрения М.А.Ткачева по-своему интересна и заслуживает внимания, особенно если принять в расчет его научную интуицию о первоначальной, еще в ходе раскопок, датировке вскрытого им в 1977 г. оборонительного вала XII столетием, которая блестяще подтвердилась дендрохронологией спустя чуть более десяти лет.

Если допустить такую версию, то получается, что первоначальный детинец Витебска располагался на мысе. А какова тогда роль городища на Замковой горе?… Может быть поэтому, со свойственным для молодых исследователей максимализмом, мы в свое время возразили против этого [21, с. 52]. Сегодня же, по истечении лет, наше возражение не звучало бы уже столь категорично.

Дело в том, что еще в 1983 г. в строительной траншее, протянувшейся диагонально от здания драмтеатра к ул.Пушкина, южнее нашего раскопа 1979 г., в профиле северной стены траншеи на глубине 3–3,5 м от дневной поверхности в черном слое земли были выявлены остатки каких-то строений: в начале траншеи — фундамент из валунов на извести и битый кирпич, в середине — остатки сруба на пять венцов (нижний венец — дубовый), в конце траншеи — дубовые сваи толщиной 22–24 см, затесанные по концам на несколько граней [22, с. 23]. Являются ли эти строительные артефакты остатками укреплений и какого времени? Ни тогда, ни тем более теперь сказать определенно невозможно. Посему оставим решать участь этого тезиса М.А.Ткачева будущему поколению исследователей.

Весьма отлична от точки зрения предшественников и версия Т.С.Бубенько. До определенного момента она придерживалась мнения, что Верхний замок Витебска — это его детинец до XIV в., ибо объектом своего исследования считала Нижний замок, сиречь Окольный город Витебска до XIV в. [23].

В пользу ее первоначального суждения говорил и выявленный М.А.Ткачевым и ей оборонительный вал в восточной части Нижнего замка, который, «судя по находкам», они отнесли к XII в. [24, с. 383]. Однако в ходе последующих работ, в 1985 г., когда преследовалась цель выявить оборонительный вал в южной части Нижнего замка, этого достигнуть не удалось, т.е. *«… никаких признаков земляного оборонительного вала, как в восточной части Нижнего замка, здесь не было зафиксировано»* [24, с. 445–446].

Далее последовал вывод, что в середине XII в. западная часть окольного города еще не была укреплена [25, с. 128]. Может быть, это и так, исследователю виднее, ибо *«свой материал говорит, а чужой только шепчет».*

Через несколько лет этот вывод автора распространился на всю территорию Нижнего замка, которая, по его мнению, *«вплоть до середины XIV в. являлась неукрепленным торгово-ремесленным посадом».* Тогда же впервые им и был поставлен под сомнение вывод, что витебский детинец в XII в. занимал всю площадь будущего Верхнего замка [26, с. 106].

В ходе последующей работы исследователь утвердился в своем мнении, и его диссертационный труд получил название «Посад Витебска X — первой половины XIV в. (по материалам исследований Нижнего замка)», в котором диссертант уверенно говорит о том, что эта часть Витебска, где уже в XII в. стояли храмы Благовещения и св.Параскевы Пятницы, располагался торг, имелась стабильная и довольно плотная усадебная застройка, включавшая и дворы ремес-

ленников по обработке драгоценных металлов, оставалась неукрепленной вплоть до середины XIV в. [27], т.е., по сути, незащищенной.

Исследователь раннеславянских и древнерусских поселений Б.А.Тимощук отмечает, что в древнерусский период, когда опасность военных нападений была постоянной, свободное городское ремесло могло развиваться лишь при условии надежной его защиты. Именно потребность в такой защите, по его мнению, была одной из важных причин того, что древнерусские посады располагались, как правило, рядом с крепостями-детинцами. Последние в случае военной угрозы могли принять под защиту своих стен население посада. Летописцы неоднократно отмечали, пишет он, что при нападении врага посажане перебирались в городскую крепость. При этом количество защитников крепости значительно увеличивалось, и оборона города становилась более надежной. Это было в интересах и тех, кто находил временную защиту в стенах крепости-детинца, и тех, кто постоянно жил в ней.

Оборона древнерусского посада определялась не только его расположением у стен крепости, но и наличием собственных укрепленных линий. Исследователь отмечает, что есть основания предполагать, что до создания централизованных государств посады, как правило, были укреплены. Но конструкция оборонительных линий посадов была более примитивной по сравнению с такими же линиями крепостей-детинцев. Укрепления посадов даже главных городов Руси — Киева и Новгорода, по свидетельству летописцев, были деревянными. Так, посад на Киевском Подоле был укреплен деревянными оборонительными стенами без применения валов — платформ, а посадские укрепления Новгорода представляли собой частокол. Именно поэтому на поверхности земли не сохранилось никаких следов. Если нет письменных данных о таких укреплениях, у исследователей может сложиться неправильное представление о неукрепленности посада — общины.

Особенностью укрепленных линий посадов является и то, что они не примыкали, как правило, вплотную к оборонительным линиям детинцев, так как их разъединял оборонительный ров (в нашем случае примерами могут являться Новогрудок, Слуцк, Клецк, Копыль и пр., где посады действительно были отделены от детинца рвом — **Л.К.**). Это свидетельство того, что укрепленные линии посадов были собственностью посадской общины, т.е. сооружались силами посажан [28, с. 73–74]. Мы обращали внимание уважаемой Т.С.Бубенько на эту околичность [29, с. 80]. Но ее мнение было непоколебимо, а именно: *«предположение о том, что посад мог иметь укрепления типа тына, не нашло археологического подтверждения»* [27, с. 9].

Искусственные укрепления, по мнению исследователя, могли заменить естественные: высокие и крутые берега Двины, Витьбы и ручья Дуная [30, с. 137]. А зимой? Как тут не вспомнить «Великое стояние на реке Угре» в 1480 г.?..

Вернемся к предмету спора — Верхнему замку Витебска, детинцу. Исследователь Нижнего замка, теперь уже неукрепленного посада, Т.С.Бубенько предложила считать расширенный в XII в. детинец укрепленным посадом, т.е. окольным городом. Мотивация шла не только методом от противного, т.е. отсутствия укреплений на «ее территории», но и неплотной бессистемной застройкой до XIII в., а также ремесленным характером деятельности населения на «нашей территории» [27, с. 8–9].

Года четыре спустя на VI Международном конгрессе славянской археологии в Новгороде Т.С.Бубенько представила графический вариант становления витебского детинца. Так, в конце X — середине XII в. детинец Витебска занимал

площадку Замковой горы — «град» и ее западный склон до оврага, который отделял оную от Двинской возвышенности (рис. 3). С середины XII до середины XIV в. территория, обнесенная валом, как показано на рис. 4, именуется окольным городом, а детинец, судя по иллюстрации, уменьшается до размеров площадки Замковой горы, т.е. занимает площадь в 0,7 га [31, с. 24–25].

И, наконец, в своей последней публикации она допускает мысль, что в XII в. могло быть незначительное расширение территории детинца в западном направлении, но лишь до оврага (рис. 1). Занять же всю охваченную валом территорию детинец не мог, поскольку такое резкое увеличение площади детинца с 0,7 до 4 га, т.е. более чем в 5 раз, не характерно ни для одного из городов Полоцкой земли [32, с. 38].

Как отреагировали на эти предположения коллеги Т.С.Бубенько?

Так, О.Н.Левко отметила, что приведенная Т.С.Бубенько аргументация в пользу того, что детинец XII в. — не детинец, а окольный город, *не подтверждает ее точку зрения, но* наличие древо-земляных укреплений XII в. в этой части города *в целом позволяет согласиться с таким предположением* (?) [13, с. 42]. В качестве контраргумента нашей уже точки зрения также обращает внимание на отсутствие в западной части Верхнего замка до XIII в. уличной планировки и слабую застройку [13, с. 42]. Позднее О.Н.Левко с еще большей долей допущения принимает точку зрения Т.С.Бубенько, что территория, примыкающая с востока к Замковой горе и укрепленная мощным оборонительным валом в 1136–1140 г., не являлась детинцем, а была окольным городом. Препятствием считать эту территорию детинцем была византийская ссылка полоцких князей [33, с. 15]. И, наконец, в последней публикации, помещенной в фундаментальном издании, она целиком разделяет точку зрения Т.С.Бубенько, считая охваченную валом территорию к западу от Замковой горы окольным городом [34, с. 24–25].

Г.В.Штыхов отнесся к выводу Т.С.Бубенько более сдержанно. По его мнению, это умозаключение вызывает интерес, однако, его нельзя считать полностью доказанным [35, с. 203].

Попытаемся возразить хотя бы на некоторые замечания оппонентов, по которым наше и их понимание понятия «детинец» не совпадают. Обратимся к дефиниции этого термина.

В ряде публикаций высказана мысль, что слово *детинец* обозначает укрепленную часть города, где жил князь с младшей дружиной — «княжескими детьми» [36. с. 44]. Выводят слово детинец и из словосочетания «днешний град», что означает внутренний город [37, с. 92]. Подтверждается эта мысль и летописным сообщением: «Видевше силу половецкую, повелеше людям всем бежать *из острога в детинец*». Иногда слово детинец соединяется со словом град, город: *«Детинец сгоре город»* [38, с. 795]. В любом случае это не только место для проживания князя, но прежде всего хорошо укрепленная часть города, рассчитанная не только на княжескую семью, но и на дружинников и, в случае необходимости, на посадское население, находившее здесь защиту, когда окольный город осаждался неприятелем.

Трудно предположить, чтобы в годы военных перепитий XII в., когда Витебск нередко становился предметом спора князей [39], его детинец — внутренний город, занимал только 0,7 га, т.е. по сути был как полоцкий форпост Герцике, в то время как детинцы других удельных центров, например, Браслава и Минска, имели площади в 2–3 га [16, с. 124].

Один из аргументов, почему рассматриваемая нами территория древнего Витебска не могла быть в XII в. частью детинца — редкая для этого места вплоть до XIII в. застройка. Однако есть факты, свидетельствующие о том, что по мере расширения города укрепления охватывали территории, вовсе не имевшие жилых кварталов [40, с. 133]. Именно этот факт может свидетельствовать в пользу того, что расширенная в сторону Двины территория, укрепленная мощным оборонительным валом, явилась делом рук князя, а не посадского населения. Ибо для возведения вала, по нашим, пусть даже и условным подсчетам, требовался 20 361 человекодень, или 100–140 человек на протяжении 150–200 рабочих дней [41, с. 59]. Откуда же могла быть эта рабочая сила, если в момент возведения вала тут почти отсутствовала застройка? Логично предположить, что сооружением этого мощного вала, где только объем леса на возведение внутривальных конструкций составил 2 772 кубических метра, занимались люди нанятые (или принужденные — ?) князем.

В то же время, как нам кажется, не должны смущать выявленные на этой территории следы ремесленной, сельскохозяйственной и промысловой деятельности, ибо это присуще большинству средних и малых городов Руси, точнее, их детинцам [42, с. 14, 34].

Кстати, анализ остеологического материала показывает, что количество охотничьих трофеев с территории Верхнего замка из слоя XI–XVII в. в два раза больше, чем с территории Нижнего замка [43, с. 6]. Кажется, охота всегда была прерогативой более привилегированного социума…

В то же время нам неизвестны городские памятники на Беларуси, где в XII в. окольный город имел такие мощные укрепления, как витебский детинец. Ближайший аналог им — Минск [44], но ведь там опять же детинец… А расширение площади детинца за счет включения территории посада мы можем наблюдать в Полоцке и Гомеле [45].

И последнее. Именно на детинцах, как правило, в позднее средневековье возникает новый урботопоним: Верхний замок, Горний замок, Верхний или Вышний город, а на окольном городе — Нижний замок или Дольний город. И едва ли Витебск явился исключением.

Трудно сказать, насколько убедительными покажутся эти доводы для моих коллег, но, во всяком случае, я благодарен им за стимуляцию сконцентрировать свои аргументы в защиту моей точки зрения в этой публикации. Сколько исследователей — столько и мнений. Посему стоит ли настаивать на одном из них и приводить в фундаментальном издании как устоявшееся? Или поступить корректнее, привев его с оговорками?

Список литературы

1. По Северо-западному краю // Виленский вестник. — 1895. — № 176. — С. 3; Раскопки Замковой горы в Витебске // Нижегородские губернские ведомости. — 1895. — № 135, 30 августа. — С. 4–5; Археологическая хроника // Археологические известия и заметки. — М., 1895. — № 1. — Ч. 3. — С. 375.

2. Левко О.Н., Кулагин А.Н., Бубенько Т.С. Исследования Витебского отряда // АО 1976 года. — М., 1977.

3. Бубенько Т.С. Отчёт о проведении археологических раскопок на Верхнем замке г. Витебска в 1994 г. // Архив отделов археологии ИИ НАН Беларуси. Ед. хр. 1653.

4. Колединский Л.В. Верхний замок Витебска в XI–XVII в.: Автореф. дис… канд. ист. наук. — Мн., 1991.

5. Калядзінскі Л.У. Верхні замак Віцебска ў XI–XVII ст. (этапы станаўлення) // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Навук. канф., прысвеч. 1130-годдзю Полацка: Тэзісы дакладаў. — Полацк, 1992.

6. Калядзінскі Л.У. «Витебск — три стены каменные…» // Беларускі гістарычны часопіс. — 1995. — № 2. — С. 27; Калядзінскі Л.У. Святаслаў Усяславіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. — Т. 6. — Кн. 1. — Мн., 2001. — С. 270.

7. Ляўко В.М. Раздрабленне тэрыторыі Полацкай зямлі на княствы — удзелы // ГАЗ. — № 15. — Мн., 2000. — С. 116–122; Бубенько Т.С. Сравнительная характеристика центров удельных княжеств Друцка и Витебска по данным археологии // Древнему Друцку — 1000 лет: Мат. науч.-практ. конф. — Витебск, 2001. — С. 38.

8. Алексеев Л.В. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X–XIII в. — М., 1975.

9. Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. — М., 1977.

10. Пресняков А.Е. Княжеское право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII ст. — СПб., 1909. — С. 118; Насевіч В.Л. Генеалагічныя табліцы старадаўніх княжацкіх і магнацкіх беларускіх родаў XII–XVIII ст. — Мн., 1993. — С. 6; Загорульский Э.М. Генеология полоцких князей Изяславичей. — Мн., 1994. — С. 6; Перхавко В.Б. Спорные вопросы биографии Ефросинии Полоцкой // Гісторыя Беларусі: жалезны век і сярэднявечча: Тэз. дакл. навук. канф., прысвеч. 70-годдзю Г.В.Штыхава. — Мн., 1997. — С. 50.

11. Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. — Киев, 1992.

12. Калядзінскі Л.У. Віцебскі храм Св.Міхаіла // Весці АН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. — 1995. — № 1.

13. Левко О.Н. Возникновение и развитие раннесредневековых городов на северо-востоке Белоруссии // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): Мат. усебеларускай канф. гісторыкаў: У 2 ч. — Мн., 1994. — Ч. 1: Гісторыя Беларусі.

14. Ляўданскі А.М. Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. — Кн. 11: Працы археолёгічнай камісіі. — Мн., 1930. — Т. 2.

15. Алексеев Л.В. К истории и топографии древнейшего Витебска // СА. — 1964.

16. Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли (IX–XIII в.). — Мн., 1978.

17. Левко О.Н. Витебск XIV–XVIII в. (стратиграфия, хронология, социально-историческая топография и технология производств). — Мн., 1984.

18. Колединский Л.В. Раскопки в Витебске // АО 1979 года. — М., 1980. — С. 364–365; Колединский Л.В. Исследования в Витебске // АО 1983 года. — М., 1985. — С. 394.

19. Колединский Л.В. Основные этапы исторического формирования Верхнего замка Витебска // Актуальные проблемы историко-археологических исследований: Тез. докл. VI респ. конф. молодых археологов. — Киев, 1987.

20. Ткачёв М.А. Замки Белоруссии. — Мн., 1987.

21. Колединский Л.В. Летописный Витебск: истоки и генезис // Города Верхней Руси. Истоки и становление: Мат. науч. конф. — Торопец, 1990.

22. Калядзінскі Л.У.Справаздача аб раскопках на Верхнім замку Віцебска ў 1983 годзе // Архив отделов археологии ИИ НАН Беларуси. Ед. хр. 1104.

23. Бубенько Т.С. Раскопки окольного города Витебска // АО 1981 года. — М., 1983. — С. 341–342; Бубенько Т.С. Раскопки окольного города феодального Витебска // АО 1982 года. — М., 1984. — С. 348–349; Бубенько Т.С., Ткачёв М.А. Раскопки оборонительной башни в Витебске // АО 1984 года. — М., 1986. — С. 339; Бубенько Т.С. Исследования Витебского отряда // АО 1985 года. — М., 1987. — С. 446.

24. Бубенько Т.С. Исследования в Витебске // АО 1983 года. — М., 1985.

25. Бубенько Т.С. Торговля Витебска в X–XIII в. (по материалам раскопок окольного города) // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным: Тез. докл. IV конф. молодых учёных ИА АН СССР.Т— М., 1988.

26. Бубенько Т.С. Территориальное развитие Витебска IX–XIV в. (по материалам исследования посада): Тез. докл. Первой Гомельской обл. науч. конф. по ист. краеведению. — Гомель, 1989.

27. Бубенько Т.С. Посад Витебска X — первой половины XIV в. (по материалам исследований Нижнего замка): Автореф. дис… канд. ист. наук. — Л., 1991.

28. Тимощук Б.А. Об археологических признаках древнерусского города // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. — М., 1988.

29. Колединский Л.В. Древнерусский Витебск: развитие топоструктуры в IX—XIII в. // Гомельщина: археология, история, памятники: Тез. Второй обл. науч. конф. по ист. краеведению. — Гомель, 1991.

30. Бубенька Т.С. Віцебскі пасад // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя. — Мн., 1993.

31. Бубенько Т.С. Социотопографическая структура посада средневекового Витебска (X — первая половина XIV в.) // Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. — М., 1997. — Т. 2: Славянский средневековый город.

32. Бубенько Т.С. Сравнительная характеристика центров удельных княжеств Друцка и Витебска по данным археологии // Древнему Друцку — 1000 лет. — Витебск, 2001.

33. Левко О.Н. Формирование и развитие территориально-административных центров северо-восточной Беларуси в IX–XVIII в.: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. — Мн., 2000.

34. Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 4: Помнікі XIV–XVIII ст. — Мн., 2001.

35. Археалогія Беларусі: У 3 т. Т. 3: Помнікі IX–XIII ст. — Мн., 2001.

36. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. — М., 1956.

37. История строительной техники. — Л.-М., 1962.

38. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. Репринтное издание. — М., 1989. — Т. 1. Ч. 1.

39. Алексеев Л.В. Полоцкая земля в IX–XIII в.(Очерки истории северной Белоруссии). — М., 1966. — С. 267–282; Андрейченко В.В. Полоцкая земля и смоленские князья во второй половине XII в. // Беларусь и Европа: взаимодействие культур (история, опыт, современность): Мат. междунар. науч.-практ. конф. — Витебск, 2000. — С. 217–219.

40. Куза А.В. Малые города Древней Руси. — М., 1989.

41. Калядзінскі Л.У. Пра абарончы вал дзядзінца летапіснага Віцебска // Гісторыя і культура Заслаўя ў святле агульнанацыянальных праблем: Мат. міжнар. канф. — Заслаўе, 1997.

42. Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. — Киев, 1989.

43. Александрович Н.П. Остеологическая оценка географической и хронологической изменчивости охотничьих млекопитающих средневековой Беларуси: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Мн., 1999.

44. Заяц Ю.А. Оборонительные сооружения Минска XI–XIII в. — Мн., 1996.

45. Тарасаў С. В. Полацк IX–XVII ст: Гісторыя і тапаграфія. — Мн., 1998. — С. 36, 62; Макушников О.А. Стратиграфия раскопа 1988 г. на гомельском детинце и некоторые вопросы истории летописного Гомеля // ГАЗ № 3. — Мн., 1994. — С. 185–186.

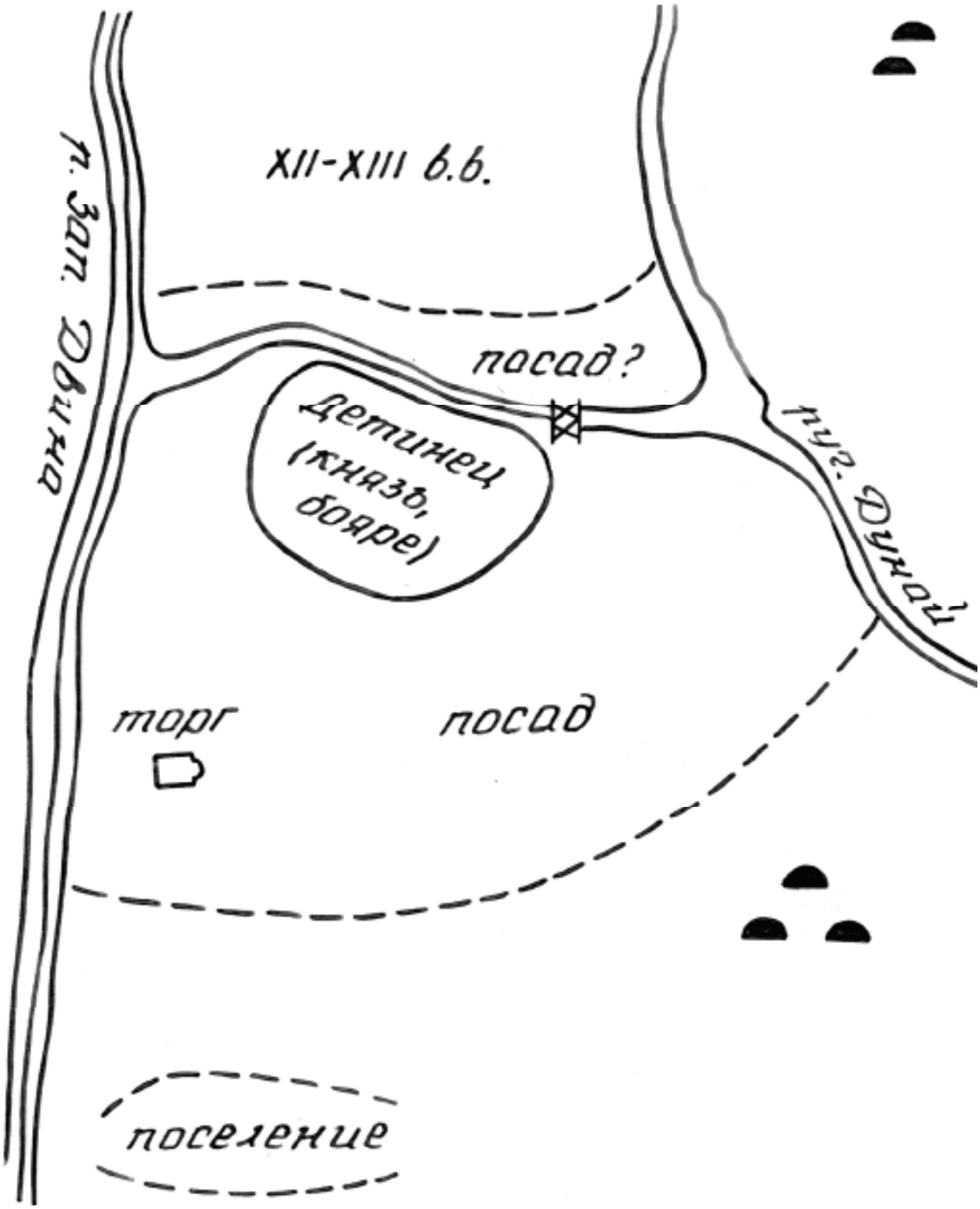

Рис. 1. Ситуационный план Витебска XII–XIII в. (по О.Н.Левко)

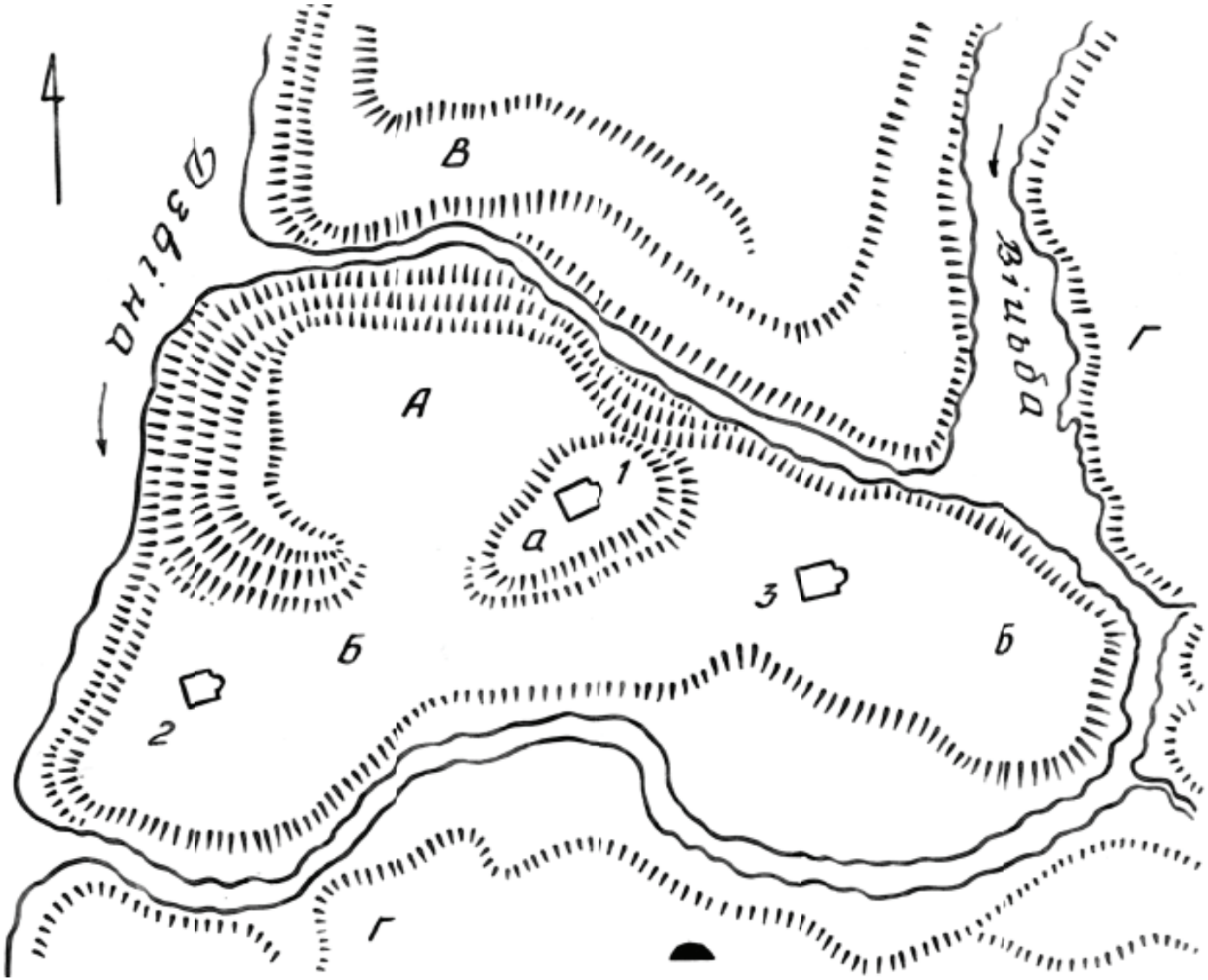

Рис. 2. Ситуационный план Витебска XII—XIII в. (по Л. В.Колединскому) (на топоосновe конца XVIII в.): А — детинец, а — княжий двор; Б — окольный город; В — предградье; Г — сельская округа; 1 — церковь св.Михаила; 2 — церковь Благовещенья; 3 — церковь св.Параскевы Пятницы; 4 — курганный некрополь

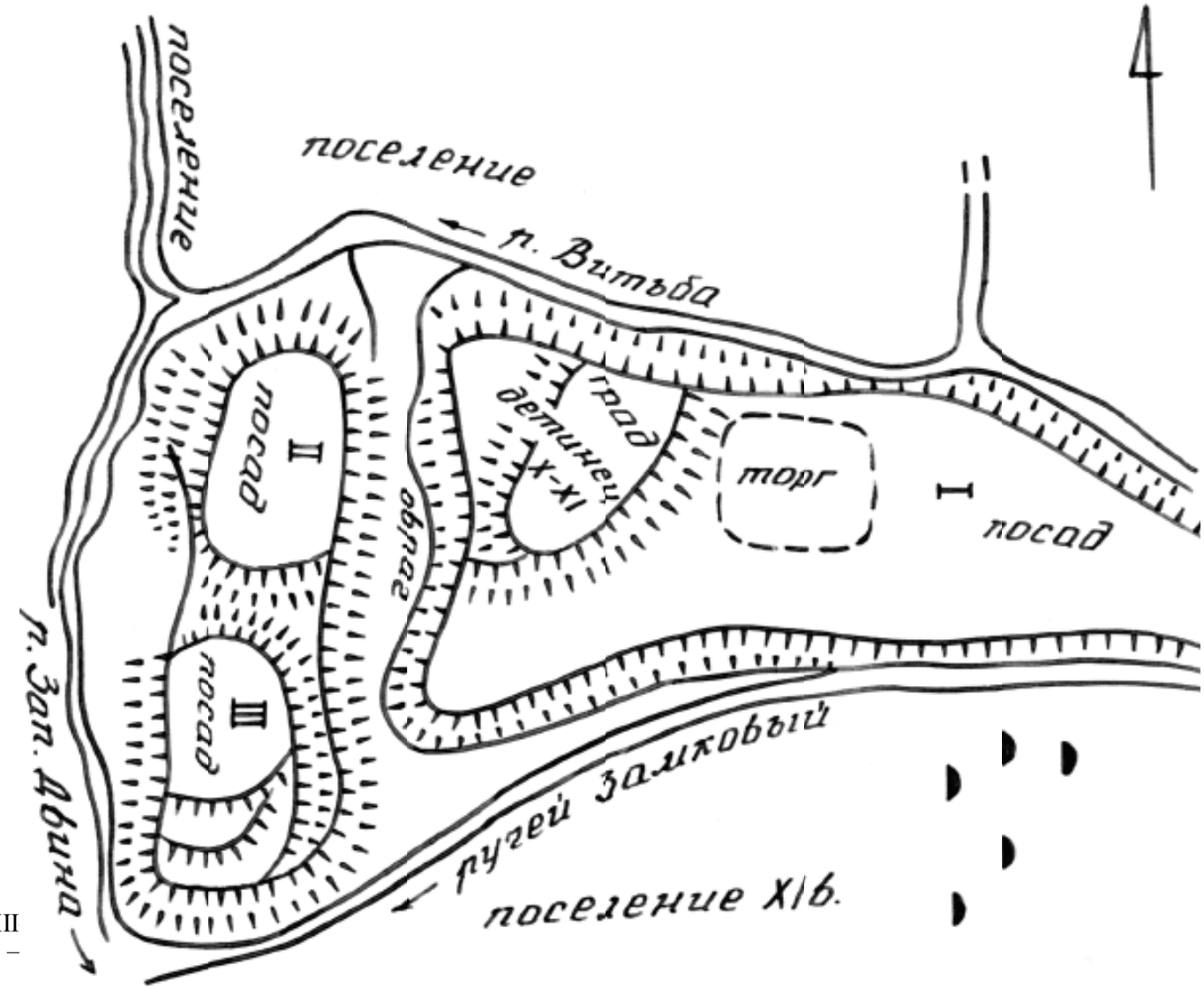

Рис. 3. Топоструктура Витебска XII XIII в. по (Т.С.Бубенько) (конец X – середина XII в.)

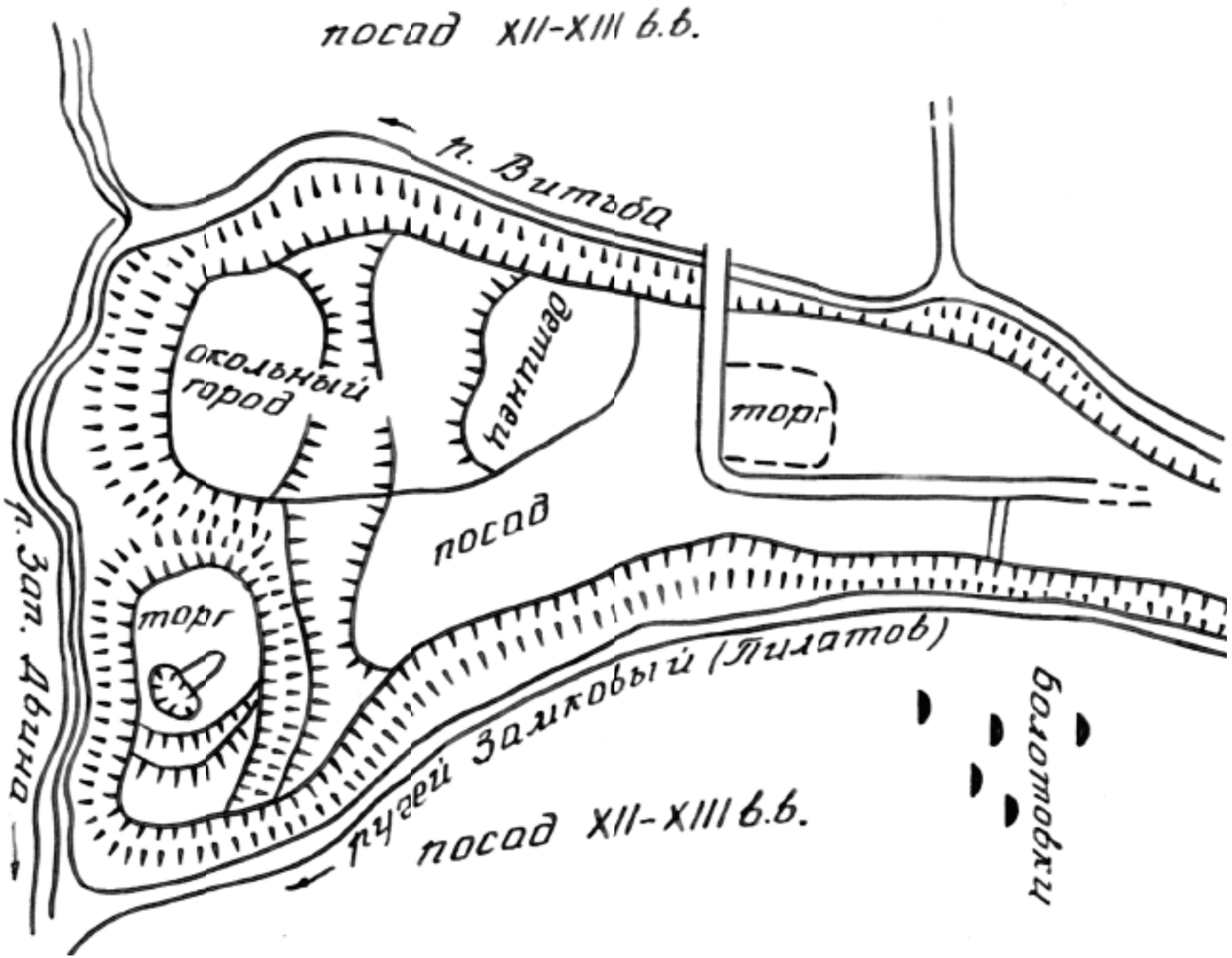

Рис. 4. Топоструктура Витебска XII—XIII в. (по Т.С.Бубенько) (середина XII — середина XIV в.)